

АНДРЕЙ КОЗЫРЕВ

Не только о пиджаке

СТИХОТВОРЕНИЯ

Андрей Козырев

**Не только о пиджаке.
Стихотворения**

«Издательские решения»

Козырев А.

Не только о пиджаке. Стихотворения / А. Козырев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908024-0

В новом поэтическом сборнике «Не только о пиджаке» представлены
избранные стихотворения Андрея Козырева за 2008 — 2018 годы —
серьёзные и не очень.

ISBN 978-5-44-908024-0

© Козырев А.
© Издательские решения

Содержание

Живущий речью	6
Запретный город	8
Вишнёвый сад	9
Воробьиная ода	9
Чудак	10
Прочное в сменах	11
На мотив романса	13
Прощание с Маиром	15
«На Венецию падает снег...»	16
Памяти Евгения Евтушенко	17
Шестикрылый серафим	19
Рыцарь бедный	21
Другу стихотворцу	23
Бесы	24
Козырев – Кутилову	26
Девяностые	29
«Любой, кто засыпает, одинок...»	30
Пропись в клеточку	31
Вишнёвый сад	32
Ухо Ван Гога	34
Безумное чаепитие	36
Не только в пиджаке	38
Рубаи мои	39
«У каждого свой Бог...»	40
О розах и ещё о чём-то	41
О себе	42
Вереск цветёт	43
1 января 2017 года	43
Большая ода невесомости	45
Ничто	48
Песня	49
Вереск цветёт	50
Ночь на озере	52
Вкус земляники	53
«Деревья пахли небом...»	54
«А дело – только в малом...»	55
«Мир держится на хрусте веток...»	56
«Как мало в жизни надо...»	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Не только о пиджаке Стихотворения

Андрей Козырев

© Андрей Козырев, 2018

ISBN 978-5-4490-8024-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Живущий речью

Андрей Козырев – поэт настоящий. Потому что жив он – речью. Потому что его слова – частицы речи. Потому что его стихи – существуют в стихии речи. Русской речи. Именно русской. Всеобъемлющей, уникальной, поистине грандиозной – по своим возможностям. Восприимчивой – и независимой. Строгой – и раскрепощённой. Щедрой на откровения. Сулящей постоянные открытия. Зовущей за собою – вперёд, вглубь и ввысь. Являющей собою – дар свыше. Свободной. Родной.

В стихах Козырева явь и фантазия, повседневность и мечта, тонкий лиризм и эпический размах, медитация и своеобразная игра, философские рассуждения и чудесный наив, деликатная ирония и максимальная искренность, пристальное внимание к деталям и смелые обобщения, жизненный опыт и желание осмыслить и выразить тайны бытия, да и многое другое, все компоненты его поэтики, весь арсенал его средств изображения, весь этот ясный свет, пронизывающий стихи, сохраняющий их, земной и небесный, весь этот строй, музыкальный, певучий, звучащий везде и всегда, весь этот мир, создаваемый в непрерывном движении, – существуют в неразрывном единстве.

Со словами высокими, даже порой патетическими, – дружны слова совершенно будничные, придающие стихам замечательную достоверность. Не случайно Иннокентий Анненский утверждал, что будничные слова – самые сильные. Иногда слова Козырева совершенно естественно становятся просто музыкой – как в верленовских «Романсах без слов»:

*Утоли мои печали
Светом солнечного дня,
Стуком маленьких сандалий
На дорожке у плетня,*

*Детским смехом, чистым взором,
Неспешащим разговором,
Красотой вся Земля
Жажду жизни утоли...*

Но притяжение земли, знакомой почвы, велико – и вот его, как Антея, после всех полётов и воспарений тянет вниз, ко всему, среди чего он вырос, где живёт, к его нынешней среде обитания:

*...Много есть дорог на белом свете,
Много предстоит мне повидать,
Много городов развеет ветер,
Так, что и следов не отыскать,*

*Но о том, что видел в колыбели
Вечно помню – с болью и трудом:
Достоевский. Белье метели.
Чёрная река и Мёртвый дом.*

...А потом – звучит новая песня. Или – сказка. Или – обращение к предшественникам, переосмысление их стихов. Или же – возникают свидетельства того, что происходило ранее или происходит сейчас, и на этом фоне отчётливо слышен голос очевидца событий, и дыхание

летописи ощутимо тогда в каждой строке, ну а может быть, это – светопись, вопреки злу, во имя добра:

*Бог поцелует мне обуглил лоб,
И мне плевать, что обо мне болтают:
Какой неряха, чудик, остолоп, —
Пиджак цветёт, и валенки сияют!*

Грусть и радость, изумление и восторг, разумная сдержанность и выплески чувств, отчаяние и счастье, вера, надежда и любовь, – и всё это, с прерывистым или ровным дыханием, с чутким слухом, с ежесекундным, пристальным взглядом в происходящее, – жизнь, и творческий диапазон Козырева необычайно широк, и ему необходимо говорить, потому что ему есть что сказать людям.

Вот и я говорю. О том, что Андрей Козырев – поэт настоящий, говорю я всем современникам, людям двадцать первого века, пишущим стихи и любящим стихи, да и тем, которые когда-нибудь ощутят присутствие поэзии в нашем непростом, как и прежде, мире, потянутся к ней, как на некий зов, и станут её приверженцами, – говорю открыто и прямо. И слов своих, сказанных ныне, я на ветер, как и всегда, ибо речью я жив, не бросаю.

Владимир Алейников

Запретный город

Дмитрию Мельникову

*В запретном городе моём,
В оазисе моём —
Аллеи, пальмы, водоём,
Просторный белый дом.*

*Туда вовеки не войдут
Ни страх, ни суета.
Там жизнь и суд, любовь и труд
Цветут в тени Креста.*

*Там тысячью горящих уст —
Лиловых, огневых —
Сиреневый глаголет куст
О мёртвых и живых.*

*Там полдень тих, там зной высок,
Там всё Господь хранит —
И прах, и пепел, и песок,
И мрамор, и гранит.*

*Там миллионы лет закат
Горит во весь свой пыл,
Там голубь осеняет сад
Шестёркой вещей крыл.*

*Дрожит в тени семи ветвей
Горящая вода,
И в дом без окон и дверей
Вхожу я без труда.*

*Там, в одиночестве моём,
Заполненном людьми,
Звучат сияющим ручьём
Слова моей любви.*

*Там огненно крылат закат,
Оттуда нет пути назад...
Но где они, не знает взгляд,
Ищу их вновь и вновь —
Запретный дом, запретный сад,
Запретную любовь.*

Вишнёвый сад

Воробьиная ода

Дмитрию Соснову

Неужели тебя мы забыли?
Для меня ты всегда всех живей —
Спутник детства, брат неба и пыли,
Друг потех и забав, воробей!

Ты щебечешь о небе, играя,
Неказистый комок высоты, —
Сверху – небо, внизу – пыль земная,
Между ними – лишь ветка да ты!

Как ты прыгаешь вдоль по России
На тонюсеньких веточках ног —
Серой пыли, особой стихии,
Еретик, демиург и пророк.

В оптимизме своем воробейском,
Непонятном горам и лесам,
Научился ты в щебете детском
Запрокидывать клюв к небесам.

Воробьиною кровью живет,
От мороза дрожа, словно дым,
Я, как ты, ворожу, воробею,
Не робею пред небом твоим.

И зимой, воробьясь вдохновенно,
Не заботясь, как жил и умру,
Я, как ты, воробынка вселенной,
Замерзая, дрожу на ветру...

Но, пока ты живёшь, чудо-птица,
На глухих пустырях бытия
Воробьится, двоится, троится
Воробейная правда твоя!

Чудак

Вспоминая Адию Кутилова...

Во мне живёт один чудак,
Его судьба – и смех, и грех,
Хоть не понять его никак —
Он понимает всё и всех.

Смуглее кожи смех его,
И волосы лохматей слов.
Он создал всё из ничего —
И жизнь, и слёзы, и любовь!

Из туч и птиц – его костюм,
А шляпа – спелая луна.
Он – богосмех, он – смехошум,
Он – стихонеба глубина!

Чудак чудес, в очках и без,
В пальто из птиц, в венке из пчёл,
Он вырос ливнем из небес,
Сквозь небо до земли дошёл!

Он благороден, как ишак.
С поклажей грешных дел моих
Он шествует, и что ни шаг —
И стих, и грех, и грех, и стих!

Он стоязык, как сладкий сон,
Как обморок стиха без дна.
Смеётся лишь по-русски он,
А плачет – на наречье сна.

Пророк вселенской чепухи,
Поэт прекрасного вранья,
Он пишет все мои стихи,
А после – их читаю я!

Он – человек, он – челомиг,
Он пишет строчки наших книг,
Он в голове живёт моей
И делает меня сильнее!

Прочное в сменах

Александру Кушнеру

Рябина на ветру,
Рабыня всем ветрам,
Скажи, когда умру,
Скажи, что будет *там*.

Рябина на ветру,
Рубин живой души,
Верши свою игру,
Пляши, пляши, пляши!

Твори, твори, твори
Свой танец, свой испуг!
Воскресни, вновь умри
И оживи – для мук!

Листвы осенний пляс
Под собственный напев
Изобразит для нас
Наш страх, и боль, и гнев.

Упряма, устал, угрюм,
Иду в тени ветвей,
Не вслушиваясь в шум
Глухой судьбы своей.

Лечу я без следа,
Как суетливый снег,
Из жизни – в никуда —
За так – за миг – навек.

Манит запретный путь,
Хмельная тянет страсть
Устать, упасть, уснуть,
Забыть, убыть, пропасть.

Не вычитан из книг,
Непредсказуем бой.
Просторен каждый миг,
Наполненный собой.

Крепи, корявый ствол,
Мощей древесных мощь,
Чтоб дважды ты вошёл

В один и тот же дождь!

Не превратится в дым
Мой путь, мой след, мой труд,
Всё в жизни, что моим
На сей Земле зовут.

Рябина на ветру,
В крови, в огне, в заре,
Учи меня добру,
Учи меня игре,

Учи, как без труда
Прорваться – в монолит,
Туда, туда, туда,
Где мрамор и гранит,

Где боги и быки,
Где век и бег минут
В мои черновики,
В словесный рай, войдут.

...Огонь листвы во мгле,
Пробушевав свой век,
Приблизился к земле
И тело опроверг.

Созвездье русских слов
За гранью жития
Мне обещает кров,
Где отдохну и я.

На мотив романса

Гори, гори, моя звезда,
Над нашей скукою космической,
Над суетой межгалактической,
В которой мысли – ни следа.

В своём сиянье термоядерном,
За миллиард парсек от нас,
Гори, сияй так зло и яростно,
Как будто Бог тебя не спас.

Наш небосклон цветёт могилами —
Не я сказал, сложилось так.
Царит меж звёздами унылыми
Межгалактический бардак.

Звезда моя, звезда туманная,
Куда умчалась та весна,
Когда, всегда одна, меж пьяными,
Ты шла у моего окна?

Казались мне наивной сказкою
Тепло твоих прозрачных щёк,
Касанье губ, сухих и ласковых,
И тонких пальцев холодок...

Теперь на небе, несказанная,
Цветёшь ты в ангельском саду —
Ложь, облечённая в сияние,
Плоть, облечённая в звезду.

Ты опаляешь воск в подсвечниках,
Пиитам шепчешь по ночам
Про жития великих грешников,
Про смерть Ивана Ильича.

А я – без рода и без племени,
Со всякой сволочью на «ты».
На горб взвалил я бремя времени,
И мудрости, и нищеты.

Уйду, как в гроб, в утехи плотские
И никого не проклянущу —
Ни эти звёзды идиотские,
Ни эту глупую луну.

Всё из единой глины слеплено,
И, значит, было всё не зря —
И крик из глотки эпилептика,
И кровь из носа бунтаря.

Гори, гори, свети неистово,
Ведь в мире, что нам свыше дан, —
Довольно подленькие истины,
Довольно розовый обман.

Твоих лучей нездешней силою
Вся грязь земли озарена...
Сияя над своей могилою,
Ты, как и я, пьяным-пьяна.

Мой горб пробивши, крылья выросли —
Не оттого ль, что жизнь – борьба?
Над скукой, тленом и немилостью
Гори, сияй, моя судьба!

Прощание с Маиром

Ф. Сологубу

Не надо слов. Храни печаль в душе.
Я знаю, что и у тебя такое.
С тобою мы не встретимся уже
На золотистых берегах Лигоя.
Мы жили там, но жизнь была иной,
Прозрачной, светлой, к синим звёздам ближе.
Звезда Маир сияла надо мной...
Прощай, Маир, тебя я не увижу.

В стране Ойле течёт река Лигой.
Она горит без дыма, как Россия.
Там светится на небе голос мой,
Похожий на звезду в сиянье синем.
Там есть мой голос, но там нет меня,
Там над домами зеленеет пламя,
Там бог – живой – выходит из огня
И говорит о будущем стихами.

Число и мера – боги наших дней.
Они, как и в Египте, птицеглавы.
Я вспоминаю об Ойле моей —
Там наши боги были бы неправы.
Мы здесь живём в стране, которой нет,
Но нам завидуют иные страны,
А их отцы смеются им в ответ
И принимают земляные ванны.

Здесь бродят люди, полые внутри,
Храня в себе запас истлевших истин.
Хоть сотню раз воскресни и умри —
Их мир всё так же будет глуп и выпрен.
Но не забыта будет на Земле,
Нам изнутри сжигающая лица
Моя любовь с космической Ойле,
Страны, которая в мозгу таится.

«На Венецию падает снег...»

На Венецию падает снег,
На Венецию сходит туман,
Будто весть от того, кого нет,
Будто тени ушедших славян.

И в каналах темнеет вода,
И фасады белеют во мгле,
И на небе не сыщешь следа
От стопы, что спешила ко мне.

Чёрным кружевом тонких дорог,
Белой пряжей снежинок седых
Так увлёкся назойливый Бог,
Что забыл о молитвах моих.

Только шёпот воды в темноте,
Только рябь исчезающих дней,
Только муза идёт по воде
С головою кровавой моей.

В занебесной Венеции той,
Что парит над судьбою моей,
Бесконечный и мёртвый покой,
Бесконечная рябь серых дней.

Город-сон, парадиз небылиц,
Где покров беспорядочно-бел,
Только люди гуляют без лиц,
Отдыхают от дел и от тел.

От венедов остался лишь дым,
От венедов остался туман,
Только именем пришлым моим
Окликает их Марк-великан.

Город-сон, иллюзорный навек,
Смутно брезжит сквозь рябь серых стран...
На Венецию падает снег,
На Венецию сходит туман.

Памяти Евгения Евтушенко

Что ж, свершилось. Тает снег.
Умер сам Двадцатый век.
Значит, вот таков удел
Всех бессмертных в мире тел.

Ты идёшь к великим в даль —
Богородоховенный враль,
Скоморох, пророк, поэт,
Уленшпигель наших лет.

Помню хмель твоей вины,
Острый взгляд из глубины,
Помню твой — сквозь морок лет —
Незлопамятный привет.

Скудный дар тебе дарю —
Тем же ритмом говорю,
Что Иосиф, милый враг,
Провожал певцов во мрак.

Этим шагом начат год.
Этим шагом смерть идёт.
Так шагает старый бог:
Раз — шажок, другой — шажок.

Шаг за шагом — в темноту,
За последнюю черту,
Где ни лжи, ни естества,
Лишь слова, слова, слова.

Ими правил ты, как бог.
Ты ломал себя, как слог,
Рифмой острой, как стилет,
Нервы рвал нам много лет.

Ты — мишень и ты же — цель,
Как Гагарин и Фидель.
Белла, Роберт и Булат
Ждут, когда к ним встанешь в ряд.

А тебя, — прости всех нас, —
Хоронили много раз.
Что ж, воитель и герой,
Умирать нам не впервой.

От твоих трудов и дней
Нам осталось, что видней —
Твой обманчивый успех,
Твой оскал, твой едкий смех.

То стилига, то герой,
Ты, меняясь, был собой —
Яд со сцены проливал,
Отравляя, исцелял.

Под задорный, острый взгляд
Мы глотали этот яд —
Вместе с миром и тобой,
Вместе с Богом и судьбой.

Ты – виновник всех растрат,
Жрец и рыцарь всех эстрад.
Ты горел, сжигал, сгорал,
Но скупым ты не бывал.

Что ж, обман твой удался.
Ты в бессмертье ворвался.
Всё простится за чертой
За надрыв и ропот твой,

За глухой тупик стиха,
За огонь и мрак зрачка,
За блистательность ошибки,
Черноту черновика.

Ты сейчас стоишь один
Средь заоблачных равнин —
Справа – свет, налево – тьма,
Снизу – Станция Зима.

Сценомирец, дай-то Бог,
Чтоб остался жгучим слог,
Чтоб талант твой не иссяк
На эстраде в небесах.

Что ж, прощай. Закрылась дверь.
Что осталось нам теперь?
Этот ритм – ать-и-два —
...и слова, слова, слова.

Шестикрылый серафим

Пушкину

Бесплоден был твой нищий пыл,
Которым тешил ты гордыню,
Но я, прозрачен, шестикрыл,
Сошёл к тебе в твою пустыню.

Я снизошёл к твоим мольбам,
К избытку твоего сиротства,
И дал твоим пустым словам
Мощь собственного первородства.

Я чуть коснулся лба крылом,
Пронзив твой мозг огнём озноба,
И опаляющим огнём
В мозгу запечатлелась злоба.

Я бросил взор к тебе в глаза,
Как равный – равному, как другу, —
И в них обуглилась слеза,
И стал, пылая, видеть уголь.

Моя прозрачная рука
Коснулась губ твоих устало —
И пламя вместо языка
В гортани смертной заплясало.

Я дал тебе свои глаза,
Отдал тебе свой слух и силу —
Чтоб понял ты, что знать нельзя,
Чтоб мощь в тебе заговорила.

Ослепнув, огненным перстом
Коснулся я чела седого —
И ты издал протяжный стон,
Который обратил я в слово.

И грудь тебе я разорвал,
И злое сердце сжёг победно,
И в окровавленный провал
Вошёл незримо и бесследно.

Я страшный дар тебе принёс,
Я, вестник славы и обиды,
Я, в зрелости кровавых слёз

Убивший первенцев Египта.

...И ты восстал. И я без сил
Ушёл в огромный сумрак крови,
Струящийся меж тёмных жил,
К войне от века наготове.

Крест четырёх координат,
Не видимый обычным взглядам, —
На нём отныне ты распят,
А я – незримо плачу рядом...

Встань, пророк, гори, живи,
Казни царей нездешней вестью,
Неся в своей слепой крови
Слепота ангела возмездья!

Рыцарь бедный

Жил на свете рыцарь бедный,
Молчаливый и простой,
С виду сумрачный и бледный,
Страшной мыслью занятой.

Он имел в ночи виденье —
И, щитом закрывши грудь,
Сквозь века, сквозь поколения
Поскакал в бессмертный путь.

Весь в крови, густой, невинной,
Хитрым врагам назло,
По равнинам Палестины
Мчался с саблей наголо.

Неподкупный, бледный, юный,
Веря строгим небесам,
Он сжигал Джордано Бруно
И сгорал с ним рядом сам.

Чтоб народ строною правил,
Чтоб весь год цвели поля,
Штурм Бастилии возглавил,
Обезглавил короля.

Видя в небе Божьи знаки,
Алый свет издалека,
Нёсся в газовой атаке
Впереди всего полка.

Бедный, бледный, бестелесный,
Отпускал ворах грехи,
Под бомбёжками пел песни,
Декламировал стихи.

На весь мир горланил речи,
В чёрной мгле искал путей,
Строил газовые печи,
Жёг в них старцев и детей.

Звонко распевая песню,
Голову совал в петлю,
Веря, что вот-вот воскреснет
И продлит судьбу свою.

Жил на свете рыцарь бедный,
Умирал и воскресал.
Алым светом – всепобедным —
След сапог его сиял.

В диком упоенье боя,
В миг, когда он убивал,
Меч руководил рукою,
Панцирь телом управлял.

Но в тиши исповедальной,
Снизойдя во тьму времён,
Всё безмолвный, всё печальный,
Ожидал знаменья он.

Рыцарь, что же вы молчите?
Что ваш взор так хмур опять?
Славе с Болью – вашей свите —
Есть что вам о вас сказать.

Но туда, где райской дверью
Тучка рыжая горит,
Рыцарь смотрит, рыцарь верит,
Рыцарь плачет и молчит.

Или мозг устал пророчить?
Или кровь не горяча?
Рыцарь поднимать не хочет
Больше старого меча.

Слишком много в жизни дикой
Крови, боли и обид...
Только старый меч-владыка
Так же им руководит.

Другу стихотворцу

Арист, ты говоришь, что стих – твоё спасенье,
Превыше всех трудов, превыше всех наград,
Терновый твой венец, и крест, и воскресенье,
И суд, и сад, и ад.

Ты памятник себе воздвиг огнеупорный
Из слухов, хитрой лжи, хвалы и клеветы,
И если кто-то мог писать о ясном спорно,
То это – только ты.

Высокопарный вздор комедий и трагедий
Ты претворил в судьбу, и в ней тебе везло:
Так! – Ты умеешь всех презрительней на свете
Встречать добро и зло.

И твой любимый бес, сухой и моложавый,
Непринуждённость в хитрой выдумке любя,
Всё ходит за тобой, как арендатор славы,
И мучает тебя.

И долго будешь тем известен ты народу,
Что всех изысканней язык ты искажил.
У музыки у твоей всё ярче год от году
Блеск стрекозиных крыл.

Господь тебя слепил из глины мокро-зыбкой,
Чтоб научился ты, презрительность любя,
По-чаадаевски, с язвительной улыбкой
Плыть поперёк себя.

...Не тот поэт, Арист, кто рифмы плесть умеет,
Кто в словоблудии сумел достигнуть дна,
А тот, кто, став бессмертным, не жалеет,
Что жизнь – всего одна.

Бесы

Мчатся тучи, вьются тучи,
Пляшут быстрые лучи.
Небо бьётся, как в падучей,
Звёзды – как огни в печи.
Мчатся бесы, вьются бесы,
Пляшут, мечутся, плюют...
Сани по Руси небесной
Тело Пушкина везут.

Мимо площади Сенатской,
Мимо высей Машука
Мчится конь наш залихватский
Сквозь эпохи и века.
Буря мглою небо кроет,
Все дороги замело...
– Что вы, барин? – Бог с тобою!
Просто сердцу тяжело.

Громко цокот раздаётся,
Будто всё кругом мертво...
Конь летит, бубенчик бьётся
По-над холкою его...
– Скоро ль дом? – Не знаем сами!
– Ждут ли нас? – Должно быть, ждут!
Вечно по России сани
Тело Пушкина везут.

Гулко цокают копыта
По теченью наших спин...
И молчат, во тьме забыты,
Мёртвый дом и Сахалин.
Вся земля дрожит от гула,
У коня горит зрачок...
Вон Астапово мелькнуло,
Знать, конец уж недалёк...

Ни огня, ни слёз, ни веры, —
Крики, брань, кабацкий мрак...
Только возле «Англетера»
Спотыкнётся вдруг рысак...
– Скоро ль, братец? – Недалечко!
Только выедем с земли...
Лишь мелькнёт Вторая Речка
Там, за вечностью, вдали...

Больше нет на белом свете
Ни чудес, ни естества:
Наша жизнь – огонь да ветер,
Да слова, слова, слова!
Скачка, скачка без запинки,
Без кнута, без шенкелей...
Пушкин... Лёгкая пушинка,
Что небес потяжелей!

– Ждут нас? – Барин, всё в порядке!
Ждут покойнички гостей,
Всё отдавши без остатку
Да раздевшись до костей.
Плачут, пьют, тревожат бога,
Огоньки в глазах горят...
Бесконечная дорога
В рай бежит сквозь самый ад!

И ни песенки, ни сказки...
Мчатся кони день за днём...
– Я устал от этой тряски...
Скоро ль, братец, отдохнём?
...Полузвери, полубоги,
Мчатся тени – их не счесть...
– Скоро ли конец дороге?
– Барин, не серчай! Бог весть!

Козырев – Кутилову

Кутилов —
глазища
тусклые.
Бродячая
правда
русская.
Смешная
гордыня
детская —
И красная
кровь
поэтская.
Солдатская
прямоть
честная,
нахлебникам
неизвестная.
Сапсанья
повадка
хищная,
для воина
не излишняя...
Ни серости,
ни ребячества —
Прочтёшь
две строки —
и плачется...
Кровь снова
стихами
мается...
– Кутилов! —
и речь
срывается.
...Кутилов!
Рисунки
пёстрые.
И скифские
скулы
острые.
Не пасквилем,
не пародией —
Ходил
сквозняком
по Родине.
Сквозняк

всей Руси
 космической —
Сибирский
 поэт
 трагический!
Ты в небе
 зарыт
 без надобы —
– Земли тебе было
 мало бы!
Сияет
 зарёю
 гордою
Твой волчий
 прищур
 над городом.
Твой чёрт
 над судьбой
 богатырскою
Метелью
 метёт
 сибирскою:
«Сгоришь
 в цвету,
 не состаришься...»
А где ты
 сейчас
 мытаришься?
Не в адской ли чаше
 с серою?
– Кутилов
 воскресе!
– Верую!
Ты можешь
 отчалить
 в смерть, но я —
Твоя
 правота
 посмертная.
Хмельная,
 босая,
 вешняя —
Держава
 твоя
 нездешняя,
Козырная
 и кутящая —
Русь-матушка
 настоящая!

И отдано
 Богу —
 богово,
и отдано
 волку —
 логово.
Стихи
 не горят,
 поэтому —
Поэту
 дано
 поэтово.

Девяностые

Юние Мориц

Девяностые, девяностые —
Дни кровавые, ночи звёздные...
Грусть отцовская, боль привычная...
Это детство моё горемычное.

Трудно тянутся годы длинные,
И разбойные, и соловьиные...
В подворотнях – пули да выстрелы,
А над грязью всей – небо чистое.

Вот и я, мальчишка отчаянный,
Непричёсанный, неприкаянный.
На глазах детей – слёзы взрослые...
Девяностые, девяностые.

Дома маются, пьют да каются —
Водка горькая, желчь безлунная...
И во мне с тех пор кровью маются
Детство старое, старость юная...

Искупают с лихвой опричники
Смертью горькою жизни подлые...
И так тесно, так непривычно мне,
И так жарко и пусто под небом.

Жить без возраста, жить без времени —
Вот судьбина какая вздорная!
Выбрал Бог да родному племени —
Душу светлую, долю черную.

И не взрослые, и не дети мы —
Разве мало изведаль скитаний я?
И столетьями, и столетьями —
Испытания, испытания...

Девяностые, девяностые —
Дни кровавые, ночи звездные...
Кражи, драки – под солнцем яростным...
Это детство моё – старше старости.

«Любой, кто засыпает, одинок...»

Любой, кто засыпает, одинок.
Кто б ни был рядом, ты – в отдельном мире,
Но в той вселенной есть твой городок,
В нём – тот же дом и тот же мрак в квартире.
Бывает, погружаешься во мрак,
А в нём – всё лучше, чем при свете, видно:
Грязь, неуют, за домом – лай собак,
Что скалят зубы, злятся: им обидно
На пустоту, в которой тяжело...
Но за стеной спокойно дышит мама,
Сквозь стены слышишь ты её тепло
Всем существом, своею сутью самой.
Да, ты – дитя. Но, увлечённый тьмой,
Ты постигаешь холод жизни краткой,
Вперив глазёнки в тёмное трюмо
Напротив детской маленькой кровати.
Там – то ли тень, а то ль твоё лицо,
А то ли кто-то третий, страшный, страшный,
Кто время сна жестоко сжал в кольцо...
Но думать, *кто*, не важно. Нет, не важно.
...Страшилка это или анекдот,
Воспоминанье, ставшее лишь знаком?
При свете мир давно уже не тот...
Но в темноте он вечно одинаков.
Днём – жизнь, дела: не выйти за черту.
А ночью – тот же детский страх спасенья,
И тот же лай собак на пустоту,
И тот же Третий меж тобой и тенью,

И – сквозь пространство – мамино тепло...

Пропись в клеточку

Пропись в клеточку. Ручки. Пеналы. Учебники. Книжки.
В клетку – фартук девчонки,
потрёпанный свитер мальчишки.
В школе мы то дрались, то мечтали быть вместе годами...
Мы за клетками парт в клетках классов сидели рядами.

Нас свобода звала, словно небо – проверенных асов,
Мы сбегали из клеток домов, и занятий, и классов,
И бродили всю ночь, и мечты, словно вина, бродили...
Мы по шахматным клеткам судьбы, как фигуры, ходили.

А потом, не боясь, что понизит судьба нам отметку,
Словно в классы, играли и прыгали с клетки на клетку:
Из мальчишества – в зрелость,
от счастья – к прозрению и плачу,
От него – кто в запой, кто-то – в бизнес,
кто – в храм, кто – на дачу...

А страна – посмотри с небосвода —
вся в клетках огромных,
Словно дни нашей каверзной жизни, то светлых, то тёмных.
Создавали решётку следы от плетей и ударов:
Белый след – от сведенья лесов, чёрный след – от пожаров.

Где теперь те девчонки, что в клетчатых платьях ходили?
Где мальчишки, что, с ними враждуя, их горько любили?
Словно клетчатый лист из тетради, помяты их судьбы:
Кто-то жив и здоров, а кого-то – успеть помянуть бы...

Каждый в клетке сидеть обречён до скончания века:
Кто-то в офисе, кто-то – в тюрьме, кто-то – в библиотеке...
...А кому-то, наверно, родные леса и сады
Прямо в клетчатый фартук земные роняют плоды.

Вишнёвый сад

В твоих глазах цветёт вишнёвый сад.
В моих глазах дотла сгорает небо.
Ассоль, ты помнишь, – триста лет назад
Всё не было на свете так нелепо?

Ещё земля не пухла от могил,
Ещё людей на свете много было,
И ветер цвёл, и камень говорил,
И солнце никогда не заходило.

Ты помнишь, как спускались к морю мы,
В глазах плясали солнечные блики,
Тогда, ещё до ядерной зимы,
И как сладка тогда была клубника...

Моя Ассоль, корабль не придёт.
Не плачь. Смотри, не говоря ни слова,
Как надо мною чёрный свет встаёт
Столбом – от лба до неба молодого.

Смотри: всё небо – в алых парусах.
Они цветут, кровавые, как рана.
А позади – мечты, надежды, страх,
И шум волны, и пристань Зурбагана...

Ты знаешь, мы насадим новый сад.
В моих глазах ещё осталось место.
Пусть расцветёт надеждами наш ад,
В котором я – жених, а ты – невеста...

Пусть совершится скромный чумный пир.
Пусть нас обманут глупые надежды.
А завтра Бог создаст нам новый мир,
Но мы в нём будем теми же, что прежде...

Прости меня. Я выдумал тебя,
И этот мир, и ядерную зиму.
Я мог бы жить, не грезя, не любя,
Но мне творить миры необходимо.
Вишнёвый сад цветёт в твоих глазах.
Мы вырубим его, насадим снова.
Ассоль, ты заблудилась в чудесах,
Которые творю я силой слова.
Ты видишь – нет меня, я – тлен, я – прах,
Я создал мир, я растворён в веках,

И нет ни будущего, ни былого,
И небо, небо – в алых парусах...

Ухо Ван Гога

Наш мир стоит на Боге и тревоге.
Наш мир стоит на жертве и жратве...
У жертвы, выбранной жрецами в боги,
Перевернулся космос в голове.

Его холстов бессмертные ошибки —
Зрачка безукоризненный каприз:
Плывёт над садом облако улыбки,
И в облаке струится кипарис.

Пылает ухо в пурпурном закате,
Кровь виноградников пьянее книг,
И пузырится звёздами хвостато
Ночного неба чёрный черновик.

Сухой голландец, тощий и небритый,
Сам для себя – дурдом, дурман и страх,
Взирает на подсолнечье с палитрой,
Сжимая трубку старую в зубах.

Он слышит сердцем звуки небосмеха,
Он ловит кистью Божий смехолуч,
И ухо отзывается, как эхо,
В ушах листвы и в раковинах туч.

Он совершит святое разгильдяйство —
Мазком к холсту прищипилит высоту.
Джокондовское снится улыбайство
Подсолнухам, врисованным в мечту!

Звенит над храмом небо колокольно,
Чтоб нам зрачки от скуки протереть,
Но всё же вечно смотрим мы – невольно —
Туда, куда так больно нам смотреть!

Прозрачная идёт по склону лошадь,
И жалуется ей сквозь холст Ван Гог,
Что башмаки его устали слушать
Рассказы неоконченных дорог...

Творец в сверкальне сна полужеркален.
С холста струится солнечная кровь.
Мозг гения прозрачно гениален,
И сквозь мозги сквозит сквозняк богов!

2

Вот он идёт – не человек, – дурман,
Дурман небес, чудачества лекало.
Он пьян, давно упал бы он в бурьян,
Когда б за крылья небо не держало.

Он пьян, но не от нашего вина,
А от другого, – горше и суровой.
Кровь виноградников всегда красна,
Как солнце, конопатое от крови.

Он пил всю ночь глухой абсент легенд.
Полынный вкус небес во рту дымится.
Абсент легенд – священный элемент,
Он миражам даёт черты и лица!

А рано утром, только он проспится,
Увидит Бог, живой в его зрачке,
Как солнце сквозь подсолнухи струится,
Бушует, пляшет в каждом лепестке!

Пусть барабанит в жилах кровь-тревога,
Пусть грают птицы, небо вороша, —
Подсолнечье – вот небеса Ван Гога!
Подсолнухи звенят в его ушах!

Художество не худо. Всё – оттуда,
Где метеор – взамен карандашей.
Да, вот такая амплитуда чуда —
От неба до отрезанных ушей!

Безумное чаепитие

У меня в гостях весь год —
Хоть ты по лбу тресни! —
Заяц Мартовский живёт,
Распевает песни.

Он – известнейший поэт,
Он – артист прекрасный.
Мне он посвятил куплет,
Я ему – две басни.

Он играет и поёт
Там, где счастье зыбко,
Там, где сам Чеширский кот
Потерял улыбку.

С ним – весёлый Воробей
Пляшет под гармошку.
Дом без окон и дверей
С ним теплей немножко.

А в углу, от книг пустом,
Чужд житейской скверны,
Белый конь сидит в пальто
Сером, безразмерном.

Мудрое его лицо
Говорит о многом,
И звенит в носу кольцо
Вдумчиво и строго.

В домике моём – уют,
Игры, хороводы.
Гномы чай из кружек пьют,
Мажут бутерброды.

Много в жизни есть забав,
Много в небе зноя.
Чай из золотистых трав
Пахнет тишиною.

Длится карнавальный сон,
Длится в каждом слове,
И всё тот же белый слон
Гимн трубит слоновий.

...Знаю, этот сон во сне,
Сказка-небылица,
Как-нибудь приснится мне,
Всё-таки приснится.

Что ещё среди обид
Нужно человеку?
Ларчик заперт. Ключ укрыт.
Перстень
брошен
в реку.

Не только в пиджаке

Кто я такой? – Поэт. Брехун. Чудак.
Меня таким придумали – не вы ли?
Ромашками давно зарос пиджак.
И валенки грязны от звёздной пыли.

У времени прибой есть и отбой.
Я установлен, как закон, в природе, —
Не бегая за модой, быть собой,
Ведь солнце, не меняясь, вечно в моде.

Пусть дни текут, как чёрная волна!
А у меня – на берегу заката —
Среди волос запуталась луна,
А губы пахнут космосом и мятой.

Бог поцелует мне обуглил лоб,
И мне плевать, что обо мне болтают:
Какой неряха, чудик, остолоп, —
Пиджак цветёт, и валенки сияют!

Рубаи мои

* * *

Благодарна толпа за подаренный грош,
А отдашь ей всю жизнь – не заметит: «И что ж?»
Словно деньги, себя сосчитал я прилежно,
Так потрать меня, Господи, так, как сочтёшь!

* * *

Все цветы в этом мире цветут – для меня.
Солнце утром встаёт над землей – для меня.
Для меня без меня все вокруг происходит,
Значит – нет человека беднее меня

* * *

Или чашу вина, иль меча острей —
Всем, кто ищет, судьба преподносит своё.
Тот, кто быстро идёт, за судьбой не поспеет,
Тот, кто тихо шагает, обгонит её.

* * *

Распрощался с любовью? Надейся и жди.
Закатилось светило? Надейся и жди.
Что ушло без тебя, без тебя и вернётся.
Жизнь кончается, ты же – надейся и жди.

* * *

Душу жжёт всемогущий коварный огонь.
Да, мне больно. Но пламя живое не тронь!
Чем сильнее я сгораю, тем ближним теплее.
Тёплый пепел мой Богу согреет ладонь.

«У каждого свой Бог...»

У каждого свой Бог.
У каждого свой Суд.
Но люди из всех эпох
Судьбы на Суд несут.

У каждого свой ад.
У каждого свой рай.
Повесься иль будь распят —
Изволь, поэт, выбирай!

Осина, цикута, крест,
Отрава, петля, костёр...
Одна нам благая весть:
Не нам завершать сей спор —

Спор памяти и судьбы,
Спор ада и горних сфер...
Рабы мы иль не рабы?
Чья лучше — из сотни вер?

Уверуй, трудись, молись,
Воскресни, опять умри...
Но тянет благая высь,
Но манит огонь зари!

Мы ищем в беде побед,
Плывём по течению спин...
У каждого — личный свет.
А мрак, он на всех — один.

О розах и ещё о чём-то ***(Почти центон)***

Не дорожи, поэт, любовью народной,
Ведь ни одна звезда не говорит
Моим стихам, родившимся так рано,
Что голос вопиющего в пустыне
И гений, парадоксов друг извечный,
Считали пульс толпы и верили толпе.
Умолкла муза мести и печали,
Но выхожу один я на дорогу
Поэзии таинственных скорбей...
Когда бы грек увидел наши игры!
Всё перепуталось, и некому сказать:
«Как хороши, как свежи были розы»...

О себе

Жизнь моя – всеми цветами сразу горящий светофор.

Вереск цветёт

1 января 2017 года

Январский день настал. Кругом бело.
Бело в окне морозное стекло.
За ним белеет тучный небосвод.
За ним белеет тощий новый год.
Белы деревья, тропы и кусты.
Белы дома, дороги и мосты.
Белы пути во тьму из пустоты.
Белы Иуды, Савлы и Христы.
Белы стихи, что я сейчас пишу.
Белёс и воздух, коим я дышу.
Белеет свет, белеет даже мрак.
Белеют тишина и лай собак.
Прохожие белеют за окном.
Белеют вера, родина и дом.
Белеет смерть. Белеет белизна.
Бела зима. Белым-бела весна.
Бел новый год, и век, и тыща лет.
На белизне не виден белый след.
Внутри меня, в груди – белым-бело.
Мне в белизне бездомно и тепло.

Белеет Бог. Белеют рай и ад.
Белеет луч, не знающий преград.
И призрак, проходящий по домам,
Не доверяет нашим белым снам.
Он ищет в нас хоть каплю черноты,
Чтоб подчеркнуть неявные черты
Отличия любого от любых,
Что делают из нас людей живых.
Он бродит по белёсой пустоте,
Он ищет яви в призрачной мечте.
Он заблудился в нас. Он не найдёт
От нас ведущий к Богу чёрный ход.

Завален чёрный ход. И бел сугроб.
Бела улыбка губ, бел нос и лоб.
Глядят на небо белые глаза.
Глядит из глаза белая слеза.
Всё замело. Всё скрылось. Всё ушло.
Во мне и за окном – белым-бело.
И белизна, скользя по белизне,
Тихонько шепчет мне о той весне,

Когда проснётся спящий в людях Бог
И в пустоте напишет первый слог.

Большая ода невесомости

*Тёмно в комнатах и душно,
Выйди ночью – ночью звездной,
Полюбуйся равнодушно,
Как сердца горят над бездной.
Блок*

Плывёт над миром невесомый снег.
Плывут снежинки, глупые, как чудо.
Как в сказочном неповторимом сне,
Мерцанье Рождества плывёт повсюду.
Плывёт, клубится свет от фонарей.
Плывут туманы; всё вокруг поплыло.
Над нищетою тощих пустырей
Рождественский трезвон плывёт уныло.
Плывут стихи, звучащие во мне.
Плывут напевы праздничной метели.
И я плыву на белой простыне,
В глубокой, словно обморок, постели.

Плывёт вся комната вокруг меня,
И шкаф, и стол, и стул, – весь мир знакомый.
И мне не надо зажигать огня,
Чтоб убедиться, как всё невесомо.
Плывёт мой дом средь белых облаков.
Плывут кусты за окнами, сугробы.
Плывёт фонарь, упрям и бестолков,
Свет изливая из своей утробы.
Всё сдвинулось: дома, сады, мосты.
Не тешься сказкой об ориентире:
Всё изменилось полностью, и ты
Себя бы не нашёл в смещённом мире.

Плывут друзья, – кто спит и кто не спит.
Плывут дела их, и слова, и мысли.
Плывут кровати по кругам орбит,
Что средь вселенской пустоты повисли.
Плывут цари, герои, дураки.
Плывут их сны, как ёлочные блёстки.
Плывут меж звёзд цветочные ларьки,
Пивные и газетные киоски.
Плывут такси, прицепы, поезда,
Их сны пусты, наивны и бездонны,
И глупо удивляется звезда
Плывущему навстречу ей вагону.
Плывут в пространстве брюки, пиджаки,

Что вырвались из тесных магазинов.
Плывут стихи и их черновики,
Плывут плакаты, слоганы, витрины.
Плывут отроги Гималайских гор.
Плывут во мраке первоэлементы.
Плывёт морской одышливый простор.
Плывут в первичной магме континенты.
Плывёт всё то, что здесь мы говорим
Так глупо, так торжественно и мило.
От берега плывёт к другому Крым.
Не движутся во тьме одни Курилы.

Плывут шакалы, тигры и слоны.
Плывут гиены, пальмы, крокодилы.
Плывут не виденные нами сны,
Взошедшие из черепной могилы.
Плывёт меж звёзд изысканный жираф.
Трамвай, плывя, звенит, – он заблудился.
Плывёт во тьме яснополянский граф,
Которому предвечный свет открылся.
Плывут планеты, звёзды и миры.
Плывёт сам Млечный путь за три квартала.
Плывут законы, правила игры,
В которой жизнь нас тщетно создавала.
Плывёт Господь и видит нас во сне —
Во сне мы спим и спящим видим Бога,
И Он плывёт на белой простыне,
Раскинутой, как млечная дорога.

Плывёт Господь. Плывут добро и зло.
Плывут слова, и мысли, и желанья.
Плывёт в нас потаённое тепло,
Плывут непережитые страдания.
Плывёт всё то, что было и что есть,
Что можно и нельзя поведать словом.
Мы суждены покинуть нашу весь
И плыть, и плыть за грань всего земного.

Да, невесомость наших слов и дел
На Рождество становится нам ясной.
Неведом нам наш собственный предел,
И это так нелепо и прекрасно.
Когда Господь приходит к нам с небес,
Земля и небо сходят с мест извечных,
И всё, что мы творим, теряет вес,
И всё бессмысленно и безупречно.
Нигде нельзя застыть хотя б на миг.
Пристанища нам нет и нет приюта.
Плыви, плыви, младенца первый крик,

Среди раскола, хаоса и смуты!
И тьма опять безвидна и пуста,
И дух над нею носится, как птица,
И человек один, как сирота,
Глядит в лицо ей и себя боится.
Уроки левитации сложны.
Вино и хлеб нам не даются в руки,
Плывут от нас, во мраке не видны,
По правилам космической науки.
И всё плывёт. Куда ж нам плыть, друзья?
Нам в нас самих открыла жизнь дорогу,
Но одному идти по ней нельзя....
Кремнистый путь блестит во тьме, скользя.
И спит земля.
И небо внемлет Богу.

Ничто

Улица не шелохнётся,
В небе – тихая луна.
Где-то шёпот раздаётся.
Высь воздушная темна.
Всё на свете непреложно,
Тихо, мирно и несложно,
Нами небо занято...
Вдруг – над нами раздробилось,
Разыгралось, раскатилось,
Зашумело, заискрилось
Многоликое Ничто.

Топчут ноги, брызжет хохот,
Но не видно ничего.
На пустой дороге – топот,
Сердце живо и мертво...
Обло, дико и стозевно,
И не нежно, и не гневно,
Чем-то высшим занято,
Многоруко, многоного,
По семи земным дорогам
Скачет гулкое Ничто.

Кличет, мается и ранит,
Рвёт сердца, дробит мечты,
Манит, тянет и буянит
Пустота средь пустоты...
Ложь – прельстительная сила,
Жизнь полна, как решето.
Много нам судьба дарила,
Да не то, не то, не то!

Снова – тихая дорога...
Где-то огоньки горят,
Плачут, ждут, тревожат бога,
Всё о чём-то говорят...
Ночь тиха. Не дышит ветер.
За ничто мы не в ответе.
И прожить бы лет так сто...
Что за чудо – тишь на свете,
Только слышно, как к планете
Приближается Ничто.

Песня

Этой ночью, быть может, себе на беду,
Я проснусь под сияньем мятежной звезды,
Я из дома пойду к вековому пруду,
Чтоб услышать дыхание чёрной воды.

Тяжело оно, горько, дыханье воды,
Налита она болью ушедших веков...
Как в ночи под сияньем мятежной звезды
И шуршит, и шумит, и волнуется кровь!

Этим холодом поздним дышала душа,
Над прудом, полным чёрной влюбленной водой,
Чтоб потом – прорасти стебельком камыша,
Над страданьем своим, над тоской, над бедой.

А большой небосвод – всё молчит и молчит,
Словно свергнутый царь, словно изгнанный раб,
Но заплачет кулик, и мой слух задрожит,
Словно по тишине вдруг расходится рябь...

И толкует о чём-то пугливый камыш,
И вздыхает, вздыхает над чем-то вода...
Из краёв, где от века – безбрежная тишь,
Нет свободных путей никому, никуда...

...Этой ночью, быть может, себе на беду,
Я проснусь под сияньем мятежной звезды,
Я из дома пойду к вековому пруду,
Чтоб услышать дыхание чёрной воды.

Вереск цветёт *Стихи, навеянные сном*

*Я не видела Вересковых полей —
Я на море не была —
Но знаю — как Вереск цветёт —
Как волна прибоя бела.
Эмили Дикинсон*

Я увидел во сне поле в синих лучах,
Я увидел: во мне загорелась свеча,
Я увидел цветы, я увидел восход
Над простором, где вереск весною цветёт!

Нет, не зря мы старались, сгорали и жгли:
Наши зёрна сквозь время в простор проросли.
Окупись, словно поле, в лиловый огонь
И на синее солнце взгляни сквозь ладонь.

Что случилось? Куда ты умчалась, тоска?
Всё, как прежде: эпохи свистят у виска,
Но воскресшие души глядят из цветов
Прямо в сердце моё, где из пламени — кровь!

Земляником покрыт край молочной реки,
И в цветах открываются чудо-зрачки:
Инфракрасные Божии смотрят глаза
Из цветов — сквозь меня — сквозь любовь — в небеса!

А давно ли вставал я, как дым, из земли
И во мне, словно пули, гудели шмели?
Но Господь, как ладонь, аромат мне простёр
И цветами озвучил бессмертный простор.

Это вереск цветёт, это вереск цветёт,
Это хрупкий сквозь землю пророс небосвод,
Это нота, которую слышал Господь,
Обрела на мгновение душу и плоть.

Это вереск цветёт! Это вереск цветёт!
Вслед за полем цветами порос небосвод, —
Сад на небе, где радостью стала печаль,
Где мой голос воскресший вживается в даль!

Расцветай, отцветай, сад на небе моём,
Проплывай, аромат, в небесах кораблём,
Знай, любовь, — я с тобой, если небо нас ждёт,

Если вереск в словах и созвучьях цветёт!

Ночь на озере

Небо черно, словно шкурка крота,
Звёзды подобны росинкам на шёрстке.
Озеро тихо. Кругом – темнота,
Только в воде звёзд рассыпана горстка.

Слышно, как где-то протяжно и тонко
Песню последнюю спел соловей.
Ветер, как мягкая лапа котёнка,
Нежно касается кожи моей...

Тлеет луна закоптелым огарком,
Веет покоем от стынувших вод...
Грудью малиновки, алой и яркой,
Солнце над озером завтра блеснёт!

Вкус земляники (гекзаметр)

Зелень заполнила сад, прихватив даже неба кусочек.
Чаша пространства полна блеском и щебетом птиц.
Ягоды сочно алеют на лучезарной лужайке,
Алость зари в их крови землю насквозь проросла.
Ягоду пробую я, имени сочно лишая,
Чувствую сладостный вкус – спорят во рту жизнь и смерть.
Там, где родятся слова, ягода плоть потеряет,
Душу иную найдёт, в теле не развоплотясь.
Жизнь – круговерть перемен, путь из утробы в утробу.
Но не ужасен сей путь, а вечно радостен нам.
Всё, что цветёт и растёт, увлажнено слёзной влагой
Тех, кто ушёл, кто с землёй слился и почву живит.
К нам обращают они речь в каждой ягоде новой:
Цвет превратился во вкус, вкус превратился в меня,
Я превращаюсь в стихи, в музыку, в блики рассвета...
Всё это – я, всё – во мне, Слово – в начале всего.
В музыке музыка, в запахе запах, а в цвете оттенков —
Ягода вкусом в сознание сочный рисует пейзаж.
Я говорю о плодах, вкусе и сочности жизни...
Дай же мне, Господи, сил воспеть его – вкус земляники.

«Деревья пахли небом...»

Деревья пахли небом,
А губы – солнцем алым,
А ветер – тёплым хлебом
И счастьем небывалым.

С тобою шёл я тихо
По саду молодому,
И пахла земляникой
Моя тропинка к дому.

Любви ещё не зная,
Не ведая печали,
Я знал, что пахнут раем
Сияющие дали.

...А будущее – кровью,
Невысказанной мукой,
Разлукой и любовью,
Любовью и разлукой...

«А дело – только в малом...»

А дело – только в малом:
Глаза открыть на миг,
Увидеть небо алым,
Понять, как мир велик,

Как пролегли дороги
На север и на юг,
Как средь земной тревоги
Для сердца важен друг,

И мир доступен взглядам,
И в сердце – красота,
И счастье – где-то рядом,
И истина – проста.

Со знанием небывалым
Пуститься в вечный путь...
А дело – только в малом:
Проснуться – и уснуть.

«Мир держится на хрусте веток...»

Мир держится на хрусте веток,
На шелесте листвы весной,
На детском смехе, летнем свете,
На теплоте тропы лесной.

Мир держится на горьком плаче,
На мёртвом холоде снегов,
На горечи любви незрячей,
На буйстве волн у берегов.

Увы, не может быть иначе:
Растут цветы, а дождь их бьёт,
Смеётся сын, а мама плачет...
А это значит – жизнь идёт.

«Как мало в жизни надо...»

Как мало в жизни надо,
Чтоб сердце зазвучало:
Свет любящего взгляда,
Уста алей коралла...

Как в жизни нужно много,
Чтоб сердце пробудилось:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.